

ХРОНИКА

МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

ежемесячный информационный бюллетень

№ 8 (50)

июль 1999

INTERNATIONAL
HELSINKI
FEDERATION FOR
HUMAN RIGHTS

Международная Хельсинкская Федерация

Продолжаем публикацию доклада «Религиозная дискриминация и соответствующие нарушения Хельсинкских соглашений», представленного Международной Хельсинкской Федерацией на заседании ОБСЕ в Вене в марте 1999 года. Текст доклада подготовлен сотрудницей Международной Хельсинкской Федерации Паулой Тщерне-Лемпийнен.

В №№ 4, 5 1999 г. «Хроники Московской Хельсинкской группы» опубликованы отрывки из доклада о положении религий в России, Австрии и Бельгии. Этот номер «Хроники» познакомит читателей с положением в области свободы совести в Болгарии и Франции.

Болгария

Информация предоставлена Болгарским
Хельсинкским комитетом

В Болгарии появился прогресс в области свободы мысли, совести и религии. В 1998 году после многочисленных мятарств, наконец официально признана община Свидетелей Иеговы; всем религиозным объединениям гарантирован равный доступ к радиовещанию; принят закон об альтернативной гражданской службе.

9 марта 1998 года правительство Болгарии заключило соглашение со Свидетелями Иеговы, ратифицированное Европейской комиссией по правам человека¹, и 7 октября болгарские власти признали это религиозное меньшинство церковью. Основываясь на пресловутой статье 133А закона о личности и семье, в июле 1994 года правительство Болгарии издало запрет на деятельность Свидетелей Иеговы. Свидетели Иеговы подали жалобу на государство Болгарию в Европейскую комиссию по правам человека. Несмотря на проигранный государством процесс в Европейском суде, статья 133А, как и архаичный Закон о деноминациях 1949 года, продолжает оставаться в силе и служить юридическим основанием для дискриминации.

Статья 53 (1) нового закона о радио и телевидении гарантирует равные права на радиовещание Болгарской православной церкви и другим официально зарегистрированным религиозным объединениям. Свирепая атака средств массовой информации и полицейские преследования так называемых «сект» значительно ослабли. Но до сих пор правящее большинство и его окружение предлагают ввести ограничительные меры против новых религий и правительство продолжает вмешиваться во внутренние дела самых крупных религиозных общин.

Так, например, правительство не признало решение созданного в начале октября Всеправославного Собора, который подтвердил полномочия патриарха Максима и возглавляемого им Священного Синода как законного руководства Болгарской православной церкви. Вместо этого правительство сделало все, чтобы помочь

проведению альтернативного церковного собора, созванного оппонентами патриарха Максима 6 и 7 ноября, которые объявили патриарха и его синод вне закона.

В ноябре Международная македонская революционная организация (ММРО), организация националистического толка, входящая в состав правящей коалиции, провозгласила, что считает борьбу против «иностранных» религий своей первоочередной задачей. Эксперты ММРО подготовили новый законопроект о деноминациях, по которому православие провозглашается официальной религией Болгарии. Проект закона предполагает также регистрацию только тех религиозных организаций, которые были зарегистрированы в 1908 году². Остальные религиозные организации будут вынуждены проходить испытательный срок и доказывать, что в организации есть достаточно большое количество членов. В противном случае они не получат право на легальную деятельность в стране.

Основной мишенью членов ММРО стали представители церкви Свидетелей Иеговы, а город Пловдив превратился в центр беспорядков.

25 апреля 1998 года активисты ММРО окружили частный дом, в котором Свидетели Иеговы проводили собрание, и публично подожгли их литературу. Мэр Западенского округа (а не Пловдивского) оштрафовал трех членов церкви Свидетелей Иеговы — Недьялко Генчева, Костадина Ставрева и Николая Арабаджева на 500 тысяч левов (500 DM) без всяких на то оснований. 28 октября Пловдивский окружной суд подтвердил правомерность наложенных штрафов за нарушение декрета Пловдивского муниципалитета о религиозных объединениях.

Полиция мешала проведению собраний религиозных меньшинств и конфисковывала их литературу.

В январе 1998 года полиция совершила рейд на дом члена общины Свидетелей Иеговы в Бургасе по соседству с Меден Рудник. Она конфисковала литературу и разогнала молитвенное собрание, проводившееся в этом доме. Инцидент сопровождался клеветнической кампанией местных средств массовой информации против церкви Свидетелей Иеговы, муссирующих случаи с «исчезновением» 14-летнего мальчика, якобы насильно увезенного Свидетелями

Иеговы. Мальчик, к счастью, был «найден», но кампания в средствах массовой информации продолжилась.

В декабре 1998 года полиция объявила о захвате большой партии «сектантской мусульманской литературы» в Силистре и о том, что проповедники фундаменталистских мусульманских сект были репатриированы на родину.

Также в декабре 1998 года Благоевградский окружной суд отклонил иск, поданный членами Церкви объединения (мунитами) против полиции. В июне 1997 года полиция совершила рейд на частный дом: прервав молитвенное собрание, конфисковала книги и личные вещи живущих в этом доме людей. Окружной суд пришел к заключению, что прокурорская служба, подписавшая ордер на обыск, не может нести ответственность за незаконное проведение обыска и захвата, осуществленных полицией.

28 октября 1998 года Национальная ассамблея приняла Закон о замене военной службы альтернативной гражданской службой¹¹. Несмотря на то, что закон претерпел значительные улучшения, он все равно не соответствует европейским стандартам. По этому закону альтернативная служба в два раза превышает срок военной службы, и поэтому она может расцениваться как карательная мера; назначаются ежегодные квоты для отказчиков по убеждениям совести, которые, кроме того, лишаются права проходить службу в неправительственных организациях; допускается менять альтернативную службу на военную, но не наоборот. Самый большой недостаток этого закона заключен в статье 29 (2), которая запрещает тем, кто проходит альтернативную службу, «вести религиозную или атеистическую пропаганду». Этот запрет потенциально может серьезно ограничить права на альтернативную службу по религиозным мотивам. Кроме того, статья 29 (3) лишает отказчиков по убеждениям совести права на членство в профсоюзе в период прохождения альтернативной службы.

10 октября 1998 года Кразимир Савов из Пловдива был заключен в тюрьму в соответствии с решением Верховного Суда, куда была подана кассационная жалоба на решение нижестоящего суда, приговорившего юношу к одному году тюремного заключения за отказ служить в армии. Это произошло в тот момент, когда в парламенте шли дебаты по поводу закона об альтернативной службе. Савов был заключен в тюрьму после того, как закон был уже обнародован.

29 октября 1998 года Национальная ассамблея приняла поправки к Уголовному кодексу, предусматривающие уголовную ответственность за уклонение от альтернативной службы. Она не приняла проект постановления об амнистии для людей, осужденных за отказ от военной службы. До тех пор, пока это постановление не будет принято, любой, кто в настоящий момент находится под следствием за отказ от военной службы, может быть приговорен и заключен в тюрьму.

Франция

информация предоставлена Human Rights Without Frontiers и относится к периоду с июля 1998 года по март 1999 года

Последнее время со стороны Европейского сообщества и национальных правительств Западной Европы предпринимаются явные попытки создать юридические основания, которые могли бы «защитить» людей от «новых религий» (или «сект»), которые

расцениваются как вредные, и поддерживать «традиционные религии».

С 1996 года возрастающая нетерпимость и дискриминация «новых религий» наблюдались и во Франции. В январе 1996 года Национальная Ассамблея опубликовала доклад, в котором перечислены 172 культа, считающиеся вредными и опасными. В результате в прессе появились публикации, клеймящие религии меньшинств, распространились слухи и лживая информация, возросла религиозная нетерпимость.

Вопреки справедливости было создано общественное мнение о правомерности подобных преследований. Религии меньшинств были публично переведены в разряд низших; имели место попытки помешать их деятельности, например путем отказа им в доступе к общественным залам для проведения собраний или требования завышенной платы за аренду помещения. Власти активно ведут расследование деятельности «культовых» организаций; детей, чьи родители принадлежат к религиозным меньшинствам, претерпевают название «членами культа» в школах, в которых они учатся, и соседском окружении.

«Непопулярные» религии меньшинств, такие, например, как церковь Свидетелей Иеговы, были подвергнуты тщательной проверке. Их финансовые дела были исследованы настолько дотошно, что есть основания обвинять проверяющих в особом пристрастии и попытках найти несуществующие нарушения.

Добровольные пожертвования, сделанные в период последних четырех лет 200 тысячами членов церкви Свидетелей Иеговы, были обложены 60-процентным налогом на основании налогового закона 1992 года о добровольных пожертвованиях, который ранее не применялся в отношении религиозных групп и организаций. Община Свидетелей Иеговы должна была заплатить властям примерно 50 миллионов долларов. Более того, каждое пожертвование, сделанное в целях покрытия этого налога, было снова обложено 60-процентным налогом. В начале лета 1998 года суд вынес решение о конфискации и предварительном залоге собственности церкви Свидетелей Иеговы.

Тысячи других религиозных объединений могут стать мишенью налоговых служб, потому что они не являются «богослужебными объединениями», признанными таковыми Министерством внутренних дел. Около 90% всех протестантских и мусульманских объединений, таким образом, не имеют права на налоговые льготы в отношении наследства и пожертвований. Остается вопрос, ограничатся ли налоговые службы проверкой только 172 культов, перечисленных в докладе французского парламента.

Французское правительство недавно создало межминистерскую комиссию по борьбе с сектами, главой которой назначен Элайн Вивьен, председатель антикультового движения. В то время как авторы докладов по аналогичной теме в других странах (например, авторы доклада Шведского парламента) советуют вести диалог с так называемыми сектами, Франция выбрала путь открытой конфронтации. Это привело к клеветническим публикациям в прессе, к религиозной дискриминации со стороны французских властей и к возрастанию нетерпимости со стороны общества по отношению к обычным людям на почве их личных религиозных верований.

Перевод Натальи Пуха,

Информационный центр правозащитного движения

¹¹ Это соглашение последовало за аналогичным соглашением, заключенным со Свидетелями Иеговы правительством Латвии. Болгария и Латвия были двумя единственными странами-

членами Совета Европы, которые отказались предоставить официальный статус Свидетелям Иеговы.

ⁱⁱ Это год провозглашения независимости Болгарским царством.

ⁱⁱⁱ Согласно статье 3(3) о промежуточных и конечных положениях Конституции 1991 года, «Национальная ассамблея будет принимать законы, обусловленные Конституцией, в течение трех лет».

Интервью

Правозащитники должны найти свое поле деятельности

Совет Европы и Московская Хельсинкская группа в начале июля 1999 года провели очередной семинар для активистов российских региональных правозащитных организаций на тему: «Европейская система защиты прав человека и правозащитный мониторинг».

На семинаре прозвучали лекции по общей теории прав человека и практических методах мониторинга прав человека. В качестве лекторов выступили сотрудники Московской Хельсинкской группы, Центра содействия международной защите, Human Rights Watch, Института прав человека, Независимого экспертно-трудового совета, Информационного центра правозащитного движения. Со стороны Совета Европы присутствовала Марджори Фаркухарсон, которая рассказала слушателям семинара о роли национальных неправительственных организаций в защите прав человека. После лекции госпожи Фаркухарсон наш корреспондент побеседовал с ней об особенностях ее работы в Совете Европы.

— Г-жа Фаркухарсон, расскажите, пожалуйста, о Вашей работе в Совете Европы.

— Я работаю три года в Департаменте по правам человека при Совете Европы. В мои обязанности входит изучение и анализ ситуации с правами человека в Российской Федерации и на Украине. Но правами человека в этом регионе мира я занимаюсь уже 20 лет. Раньше я работала в Международной Амнистии. Та секция департамента, в которую я зачислена, консультирует новые государства-члены Совета Европы. Мы распространяем информацию, которая необходима этим странам как членам Совета Европы.

— В чем заключается Ваша деятельность как куратора РФ и Украины?

— В секции Департамента по правам человека существует типичная программа для каждого нового государства-члена Совета Европы. Мы проводим сравнительные исследования законодательств новых стран-членов Совета Европы, и оцениваем их соответствие положениям Европейской Конвенции — это начальный этап. Исходя из результатов исследований, мы указываем правительствам государств на те проблемы, которые могут послужить предлогом для подачи против них жалоб в Европейский суд. Департамент по правам человека рекомендует правительствам провести изменения в законодательстве, чтобы в будущем избежать отрицательных решений Европейского суда.

— Происходят ли какие-либо эффективные перемены в законодательствах новых стран-членов Совета Европы в результате действий со стороны Департамента по правам человека при Совете Европы?

— В Венгрии начался процесс изменения законодательства в соответствии с европейскими стандартами самостоятельно. Были внесены изменения в 19 основных законов. Венгрия вступила в Совет Европы в 1994 году. И, кстати говоря, в те времена против Венгрии были выдвинуты со стороны венгерских граждан только четыре иска. Так что правительству Венгрии удалось сэкономить много денег.

В свое время в России из-за вмешательства Совета Европы был отменен президентский указ о 30-дневном аресте. В настоящее время администрация Президента попросила Департамент по правам человека при Совете Европы

сделать экспертную оценку нового законопроекта уголовно-процессуального кодекса (УПК), потому что существуют опасения, что в новом УПК содержатся некоторые несоответствия с Европейской конвенцией по правам человека.

— В своей лекции Вы упомянули, что Россия, вступая в Совет Европы, приняла на себя некие обязательства. Что произошло в этом направлении?

— Эти обязательства были перечислены в Заключении № 193, принятом в феврале 1996 года. Там перечисляются и политические, и юридические моменты. За последние годы произошли изменения в лучшую сторону. Однако до сих пор вызывает озабоченность новое законодательство о религии, хотя Россия брала на себя обязательство, и оно зафиксировано в упомянутом Заключении, привести этот закон в соответствие с европейскими стандартами. Парламентская ассамблея Совета Европы назначила специального докладчика именно по этому вопросу. Его имя Кевин Макнамара (Kevin MacNamara), депутат от Великобритании. Он должен информировать Парламентскую ассамблею о том, как законодательство о свободе совести выполняется в разных регионах России. Кевин сразу выехал в Москву. Он, к слову сказать, еще и ярый противник смертной казни.

— Как Вы считаете, насколько проведение мониторинга прав человека влияет на изменения законодательства правительствами тех стран, в которых происходят нарушения прав человека? Насколько корректно говорить о причинно-следственной связи между мониторингом прав человека, проводимым общественными правозащитными организациями,

и законодательной инициативой правительств этих стран? Существуют ли конкретные примеры таких явных причинно-следственных связей?

— Нечто подобное произошло в Саратовской области. Имели место нарушения прав человека со стороны милиции. Губернатор Саратовской области принял определенные постановления. К сожалению, я не помню деталей этого дела. Я думаю, что значение мониторинга прав человека проявляется в создании определенного общественного климата, когда становится известно все больше и больше, когда информация становится все доступнее и доступнее, появляются новые взгляды на события, новые мнения. Например, недавно я присутствовала в Москве на конференции, посвященной обсуждению проблем смертной казни. Я заметила, как эволюционировали мнения даже тех, кто выступает за применение смертной казни. Эти люди уже понимают, что смертная казнь не сдерживает уровень преступности, но они выступают за ее сохранение для наказания особо опасных преступников. Были и другие моменты. Российские юристы отмечали, что основная функция действующего Уголовного кодекса не в предотвращении преступлений, а в наказании за конкретные преступления. Такое понимание свидетельствует о том, что российские юристы начали мыслить шире и рассуждать, исходя из глобальных аспектов уголовного закона. Я заметила, что общественные организации говорили о необходимости контроля над пенитенциарной системой. Возможно, через пять лет эти идеи станут реальностью. Мне думается, что изменение общественного мнения — достойная цель, ради которой стоит заниматься мониторингом прав человека. Изменение законодательства более сложный процесс, в котором занят целый комплекс причин. Конечно, если мониторинг осуществляется по просьбе правительства и связан с конкретной темой, то в этом случае можно говорить о прямых причинно-следственных связях. В противном случае, чтобы изменить законодательство, надо действовать через судебную систему. Если кто-то делает доклад и просто направляет сведения кому-то, то это напрямую не может повлиять на изменение законодательства. Я вспоминаю

конкретный случай, когда в Нидерландах правозащитная организация спланировала акцию по изменению законодательства в области прав душевнобольных людей. Они собрали информацию, нашли конкретное дело конкретного человека и подали жалобу в Европейский суд. Суд решил дело в пользу этого гражданина. Таким образом, был создан судебный прецедент, с помощью которого удалось изменить закон Нидерландов и укрепить права душевнобольных. Это очень действенный способ влияния на законодательство всех государств Европы, потому что решения Европейского суда распространяются на все страны Совета Европы. И если российские юристы выработают какую-то стратегию по защите какого-либо определенного права человека, то это может принести пользу всем нам.

— И еще вопрос, касающийся программы семинара. Как Вы считаете, достаточно ли тем, которые будут затронуты на семинаре, для того, чтобы научиться писать доклады по мониторингу прав человека?

— Для того чтобы писать доклад, нужны исследовательские наклонности, которые бывают не у всех. В принципе, проверка данных, беспристрастное представление фактов — это то, чему можно научиться.

— Программа семинара удовлетворяет этим требованиям на Ваш взгляд?

— Да. Сегодня первый день семинара, рассматриваются темы, связанные с общей теорией прав человека. В следующие два дня будут представлены методики практических действий по осуществлению мониторинга прав человека.

— Как давно Вы сотрудничаете с Московской Хельсинкской группой? Вы впервые участвуете в семинаре Московской Хельсинкской группы? Или это традиция?

— Я здесь впервые. А вообще Совет Европы уже профинансировал 7 семинаров, проводимых Московской Хельсинкской группой в России. Два из них, включая этот, в Москве и четыре в регионах.

— Вы упомянули в лекции, что образовательные семинары для региональных юристов очень полезны, поскольку юристы имеют возможность научиться процедурам подачи жалоб в Европейский суд. И в этой

связи Вы привели в пример Турцию. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Один хороший юрист из Лондона проводил в Турции летние школы для местных юристов по обучению процедурам подачи жалоб в Европейский суд. Эффект этой образовательной программы проявился в том, что из всех жалоб, поступающих сейчас из Турции, к рассмотрению принимаются 80%. Но одно дело заполнить все формуляры, а другое — знать целую науку истолкования текста Европейской Конвенции. Дело в том, что Европейская Конвенция очень лаконична. Но зато развилась такая юриспруденция и такая система прецедентов, что постоянно расширяется поле прав человека, которые защищаются Европейской Конвенцией. Даже юристам очень сложно все усвоить. Каждая статья Конвенции постоянно подкрепляется огромным количеством судебных прецедентов, которые тоже имеют законодательный статус в европейском праве.

— То есть, если я правильно Вас поняла, на семинарах, подобных этому, людей без юридического образования достаточно сложно обучить процедурам подачи жалоб в Европейский суд.

— Думаю, да.

— Есть ли сайт в интернете, на котором публикуется информация о решениях Европейского суда?

— Да, конечно, сведения о решениях Европейского суда поступают буквально через две минуты после их принятия. Но все решения публикуются на официальных языках Совета Европы — английском и французском. К концу этого года мы собираемся издать сборник на русском языке, содержащий материалы 91-го судебного дела, из самых значительных в истории Европейского суда, чтобы российские юристы понимали текущую ситуацию с Конвенцией о правах человека.

— Как Вы считаете, сколько времени может занять процесс ознакомления с процедурами подачи жалоб в Европейский суд у российских юристов? Вы уже сказали, что из Турции принимается к рассмотрению 80% жалоб. Прошел уже целый год с момента ратификации Россией Европейской Конвенции. Сколько жалоб из России принято к рассмотрению?

— В Турции улучшился профессиональный уровень подаваемых жалоб по сравнению с 1993 годом в результате работы той школы, о которой я рассказывала раньше. Но везде происходит по-разному. По статистике самый высокий процент жалоб, принятых к рассмотрению Европейским судом, — против Великобритании, Швеции, Бельгии и Польши. Я думаю, что это отражает не ситуацию с правами человека в этих странах, а профессиональный уровень подачи жалоб, активность и информированность юристов. В результате судебных рассмотрений эти страны вынуждены менять законодательство, создаются прецеденты для всей Европы, повышается правозащитность граждан.

На сегодняшний день из России поступило около 2 тысяч жалоб, начиная с мая 1998 года, когда была ратифицирована Европейская Конвенция. Из них зарегистрировано около 400 жалоб. Регистрация является первым этапом рассмотрения жалобы Европейским судом. Около 400 жалоб рассматривается до этапа регистрации. 2 жалобы находятся на предпоследнем этапе, когда государству уже предъявлен иск и государство может либо добровольно предложить компенсацию и закрыть дело, либо защищать свою позицию на заседании суда.

— Что это за иски к России, которые приняты к рассмотрению?

— Одно дело — это «Калашников против Российской Федерации», в котором гражданин

обвиняет государство в нарушении ст. 5 (несправедливый арест), ст. 6 (несправедливый суд), ст. 3 (жестокое обращение) Европейской Конвенции. Второе дело — «Никишина против Российской Федерации», связанное с притеснением «Свидетелей Иеговы» в России. Российский суд отпустил у женщины ребенка в пользу ее бывшего мужа, аргументируя это тем, что она свидетельница Иеговы.

— Как Вы считаете, существует ли какая-то особая сфера в системе европейского судопроизводства, в которой могут проявить активность правозащитные организации стран-членов Совета Европы?

— Я подумала, что, может быть, стоит создать правозащитный центр в России, который будет фиксировать тематику дел, направляемых на рассмотрение в Европейский суд, и проводить анализ тех конкретных прав, которые нарушаются чаще всего. Если посылать жалобы с пакетом документов от третьего лица, подтверждающих, что та жалоба, которая направляется, — не единичный случай, а порок системы, то это поможет тому, чтобы Европейский суд принял дело к рассмотрению. Важно показать не только юридический аспект, но и контекст. Правозащитные организации должны выработать стратегию. То, о чем я сейчас говорю, как раз та деятельность, которую могут осуществлять правозащитники, а не профессиональные юристы. Центр содействия международной защиты под руководством Карины Москаленко этим и занимается. За

последний год они передали в Европейский суд около 10 — 12 дел. Правозащитникам не стоит дублировать работу юристов, которую они не умеют выполнять достаточно профессионально. Свой вклад в работу Европейского суда они могут сделать, проводя такие исследования.

Наталья Пуха,
Информационный центр
правозащитного движения

Основные адреса Совета Европы в Интернете:

Общий адрес Совета Европы <http://www.coe.fr>

Парламентская Ассамблея <http://stars.coe.fr/>

Комитет министров <http://www.coe.fr/cm>

Права человека <http://www.dhdirhr.coe.fr/>

Европейский суд по правам человека <http://www.dhcour.coe.fr>

Европейская комиссия против расизма и нетерпимости

<http://www.ecri.coe.fr/>

Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания <http://www.cpt.coe.fr>

Совет Европы и биоэтика <http://www.coe.fr/oviedo/index.htm>

Совет Европы и неправительственные организации <http://www/coe/fr/ong/ngo.htm>

Публикации Совета Европы <http://www.book.coe.fr>

«Инициативы»

Правозащитники и предприниматели начинают сотрудничать

23 июня 1999 года Московская Хельсинкская группа совместно с Центром Международного Частного Предпринимательства провели первый «круглый стол», посвященный проблемам сотрудничества предпринимательских и правозащитных организаций в России. Инициатива проведения подобного мероприятия не случайна, так как необходимость прямого диалога между малым бизнесом и правозащитниками назрела в нашей стране давно. Свяzano это с неистребимым желанием нашего государства «взять все и поделить», причём в худшем — «шариковском» понимании этих слов.

К процессу «честного отъема» средств чиновники подошли основательно — насоздавали различные контролирующие структуры, расширили и углубили полномочия существующих, планомерно и повсеместно создали образ врага — предпринимателя. Но как обычно в нашей стране («хотели как лучше, получилось как всегда!»), основными объектами узаконенных вымогательств стали не известные всей стране олигархи-воры, не директора, сознательно обанкротившие свои предприятия, и, конечно, не лоснящиеся от коррупции чиновники всех рангов — основными объектами государственного грабежа были выбраны представители

малого и среднего бизнеса, те самые предприниматели, которые, не пользуясь государственными льготами и служебным положением, пытались создать производство, наполнить прилавки магазинов, создать дополнительные рабочие места и всяческие услуги населению. Результаты этой политики известны. Во многих областях средний и малый бизнес сворачивает работу, искусственно монополизирована или уходит в тень.

Правозащитные организации в большинстве своем почувствовали происходящее через значительное увеличение процента представителей малого и среднего бизнеса в общем потоке обращающихся в общественные приемные граждан.

В этих условиях Московская Хельсинкская группа (МХГ) не может остаться в стороне не только потому, что одного предпринимателя, занимающегося делом, мы ценим больше, чем сотню чиновников-мироедов, но и потому, что предприниматели такие же граждане, как и все остальные, а имущественные притязания государства делают эту группу населения еще более уязвимой по сравнению с другими.

В этом начинании МХГ поддержали и другие общественные организации, такие как «Общество налогоплательщиков», большинство региональных правозащитных организаций – партнеров МХГ и многие другие. Однако прежде чем приступать к такому масштабному проекту мы хотели узнать – на каком же направлении деятельности сосредоточить наибольшие

усилия? С этой целью решено было провести ряд «круглых столов» с участием представителей правозащитных и бизнес-ассоциаций. И первый такой диалог состоялся.

Результаты его мы оцениваем как успешные. Во-первых, было сразу же получено единое мнение о необходимости сотрудничества правозащитников и предпринимателей. Во-вторых, договорились об усилении силами правозащитников образовательной работы в среде предпринимателей. В-третьих, предпринимателями была высказана большая заинтересованность в помощи правозащитникам по составлению докладов о нарушении прав человека в соответствующем субъекте федерации.

Таким образом, произошло самое главное! Начался прямой диалог между правозащитниками и предпринимателями с целью объединения усилий в защите прав простых граждан и предпринимателей. Мы надеемся, что этот процесс не остановится и в дальнейшем превратится в самоподдерживающийся, устойчивый механизм, позволяющий эффективно защищать людей от любого произвола государственных чиновников.

*Тимофей Нижегородцев
Московская Хельсинкская группа*

Юбилей

Пензенскому «Мемориалу» исполнился один год

*Чем бесконечно клясть темноту, лучше зажечь одну маленькую свечку.
Конфуций*

...Годы молчаливого горя и страха, кровавого безумия сатанинской системы пережила и наша пензенская земля. И она обильно полита кровью безвинно погибших жертв красного террора. Это время сейчас кажется нам одним черным пятном в разноцветной палитре жизни нашей страны. Но нет-нет, да и вспомнит старик в своем одиноком доме то место за Сурой, где людей, как груды грязи, уже мертвых, сгребали бульдозерами в огромные ямы, дышащие сырой ледящей бездной. Нет-нет, да и охнет под ногой затоптанная безымянная могила... Кулацкие бунты, зверства Бош, ночные визиты незваных гостей...

Сегодня в зданиях, соседствующих с бывшими застенками НКВД, разместились маленькие конторки современных фирм, и наш город давно живет другой жизнью. Жаль все же, что нет в нем музея, где бережно хранились бы для потомков дорогие реликвии, пронесенные через годы родными, близкими, любимыми.

Мы вошли в мемориальское содружество для того, чтобы сохранить горькую память об истории национальной трагедии. Наше содружество для тех, кто стремится к гуманистическим идеалам, отстаивает либеральные ценности, готов строить общество, где смысл жизни — право!

Уже собрана и постоянно пополняется новыми изданиями мемориальная библиотека. Здесь книги об истории тоталитаризма в России: книги-воспоминания, книги-свидетельства, книги-справочники и книги-судьбы. Здесь современные труды просветительской группы «Мемориала» с оценкой сегодняшней жизни, книги-исследования о правах человека в наше время. Часть собранного нами библиотечного фонда безвозмездно передана библиотекам города.

Мы готовы принять любые материалы, которые послужили бы основой для создания Музея жертв необоснованных репрессий: письма, фотографии, документы, вещи, стихи, статьи и, конечно, дневники, в которых радуется и тоскует, негодует и надеется бессмертная человеческая душа.

Что мы делали? Защищали в судах солдат от армейского произвола, устраивали тематические вечера посвященные скорбным дням нашей истории — Дню политзаключенного, Дню памяти жертв политических репрессий, отмечали день рождения Андрея Дмитриевича Сахарова, помогли в получении компенсаций за утраченное имущество и...учились! Семинары, международные конференции, исторические конкурсы...

А почта! Мемориальная почта! Письма из Москвы, Питера, Архангельска, Новосибирска и даже Магадана, где нашли последний приют и те, чья родина — маленькое селцо где-нибудь недалеко от Пензы.

Мы стараемся насытить нашу творческую жизнь простыми и светлыми человеческими устремлениями: добром, памятью о близких, желанием сохранить наш маленький мир, инфраструктуру единомышленников и друзей. Искренне признательны всем, кто был с нами в начале пути и готов сейчас помочь нашему содружеству и людям, для которых мы работаем.

*Марина Анапасенко,
председатель «Мемориала»,
Пенза*

Сыктывкарскому «Мемориалу» — 10 лет

Хроника Сыктывкарского «Мемориала»

В июле 1988 года группа будущих членов «Мемориала» провела сбор подписей за установление в Москве и Сыктывкаре памятника жертвам сталинских репрессий. За один день было собрано несколько сот подписей, которые были вручены М.С. Горбачеву накануне XIX партконференции. А в августе во время передачи республиканского телевидения «Молодежный канал» участники сбора подписей заявили о намерении создать в Сыктывкаре общество «Мемориал». Реакция партийных властей была резко отрицательной. Однако впоследствии их позиция несколько смягчилась, а Сыктывкарский горком даже предложил свою помощь в учреждении «Мемориала».

Так, в октябре 1988 года на вечере памяти Н. Бухарина и других жертв сталинских репрессий было принято решение провести организационное собрание «Мемориала». А уже в марте 1989 года учредительное собрание приняло решение о создании общества «Мемориал» в Сыктывкаре, избрало правление и председателя — Револьта Ивановича Пименова. В апреле 1989 года состоялась официальная регистрация Сыктывкарского добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». У истоков общества стояли такие люди, как Р.И. Пименов, М.Б. Рогачев, В.А. Семенов, И.А. Бабраков, А.П. Евстюничев, Л.А. Зильберг.

В мае 1989 года Сыктывкар посетил А.Д. Сахаров для поддержки кандидатуры Р.И. Пименова на выборах в народные депутаты СССР. И через год Р.И. Пименов был избран народным депутатом РСФСР.

По инициативе «Мемориала» в сентябре 1991 года Сыктывкарский горсовет принял решение о предоставлении льгот сыктывкарцам — жертвам политических репрессий, им были вручены временные удостоверения. А 7 ноября была проведена первая публичная массовая акция «Памяти жертв большевистского террора» (участвовало более 200 человек). Хорошей традицией стало отмечать ежегодно 30 октября — День памяти жертв политических репрессий.

В ноябре 1991 года вышла книга «Печальная пристань» — первое издание о политических репрессиях в Республике Коми, подготовленное обществами «Мемориал» Ухты, Воркуты, Сыктывкара.

С января 1992 года начала работать общественная приемная «Мемориала» по оказанию помощи жертвам политических репрессий.

В апреле 1992 года Сыктывкарский «Мемориал» вступил в Российский и Международный «Мемориал».

А в ноябре этого же года Сыктывкарским государственным университетом и «Мемориалом» была организована Российская научная конференция «Репрессивная политика на Европейском севере».

В ноябре 1994 года в Тампере (Финляндия) с участием «Мемориала» состоялась выставка «Политические репрессии в Коми АССР в 30-50-е годы».

Ежегодно в мае мемориальцы стали принимать участие в съездах лагерников-солдат Армии Крайовой в Варшаве.

В мае 1997 года проведены первые Пименовские чтения, посвященные памяти первого председателя правления общества Р.И. Пименова, ставшие впоследствии традиционными, ежегодными.

В октябре 1997 года опубликован Указ главы РК о создании мартиролога жертв политических репрессий в Республике Коми «Покаяние». С инициативой по изданию данной книги «Мемориал» неоднократно выходил на республиканские власти. Члены «Мемориала» были включены во все рабочие органы по подготовке издания. «Мемориал» стал одним из учредителей общественного фонда «Покаяние». В том же году в Сыктывкаре установлен закладной камень памятника жертвам политических репрессий. 17 декабря 1998 года состоялась презентация 1-го тома мартиролога «Покаяние» и началась работа над словарем-справочником «Связь времен».

Целями общества «Мемориал» являются: сохранение и увековечивание памяти о жертвах политических репрессий в СССР; восстановление исторической правды о беззакониях советского режима, изучение их причин и следствий, содействие в признании политических репрессий в СССР преступлением против человечества; содействие полной и гласной реабилитации жертв политических репрессий в СССР, защита их законных интересов; моральная и материальная поддержка лиц, пострадавших от политических репрессий в СССР, в первую очередь инвалидов; активное участие в демократических преобразованиях, построении правового государства, защите прав человека.

Сыктывкарское общество «Мемориал» определило следующие направления деятельности — сбор, обработка и хранение документов и материалов, связанных с политическими репрессиями в СССР, обеспечение свободного доступа и работы с ними всем желающим; выявление и оказание помощи в обустройстве мест массовых захоронений жертв массовых репрессий в СССР, установление памятников и памятных знаков в местах, связанных с политическими репрессиями в СССР; создание общественного историко-архивного центра, сотрудничество с государственными и общественными научно-исследовательскими учреждениями, музеями и архивами; осуществление публикаторской деятельности, в том числе через собственные средства массовой информации и издательства, проведение лекций, выступлений на радио и телевидении, выставках, дискуссиях, конкурсах; формирование консультационного центра, ведение систематического приема граждан для оказания им юридической помощи в сфере защиты прав человека; участие в общественно-политической деятельности, направленной на развитие демократических преобразований, построение правового государства, защиту прав человека, а также участие в избирательных кампаниях.

В ноябре 1996 года при «Мемориале» создана Комиссия по защите прав человека. Комиссией проведен мониторинг прав человека в Республике Коми (комиссия составила доклады о состоянии с правами человека в республике за 1996, 1997 и 1998 годы), общественная приемная оказывает юридическую консультативную помощь, таким образом комиссия осуществляет правозащитную деятельность.

В ноябре 1997 года «Мемориал» вошел в «Движение за права человека».

*Соб. корр. по материалам,
предоставленным сыктывкарским «Мемориалом»*

Акции

«Мемориал» добился справедливости

9 июля в Верховном суде РФ один из самых известных адвокатов России Генри Резник по просьбе общества «Мемориал» защищал права жертвы сталинских политических репрессий Игоря Бернакевича. Генеральная прокуратура РФ пыталась **ОСПОРИТЬ ПРАВО СЧИТАТЬСЯ ЖЕРТВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ** человека, в детском возрасте насильственно помещенного в спецприемник НКВД, а затем — в детский дом под постоянный надзор НКВД, лишившегося родительского попечения в результате политических репрессий против них.

В 1937 году родители Игоря Алексеевича Бернакевича были репрессированы: отец расстрелян, мать длительное время находилась в местах лишения свободы.

Семилетнего Игоря с сестрой и бабушкой после ареста родителей выселили из квартиры в г. Уфе без предоставления другого жилья. Вскоре после этого органы НКВД поместили детей в приемник отделов трудовых колоний НКВД, а затем этапировали в детский дом г. Советска Кировской области, где они и находились до достижения ими совершеннолетия.

К сожалению, до сих пор органы внутренних дел отказывали этой категории людей в получении статуса жертвы политических репрессий, но Игорь Алексеевич Бернакевич добился права считаться жертвой политических репрессий через обращение в суд.

В 1998 году Государственная дума РФ отвергла законопроект, который автоматически распространял статус жертв политических репрессий на тех детей, которые были лишены родительского попечения в результате репрессирования обоих родителей.

В 1998 году судьи Тушинского межрайонного суда, а затем и президиума Московского городского суда вынесли решения в пользу истца. Однако прокуратура не согласилась с такими решениями. Сначала и.о. прокурора

г. Москвы, а теперь и заместитель Генерального прокурора направили в суды свои протесты.

С точки зрения прокуратуры, дети репрессированных родителей, которые согласно Оперативному приказу НКВД от 15 августа 1937 г. вначале помещались в спецприемники НКВД (решетки, колючая проволока, охрана и т.п.), а затем этапировались (именно этот термин употребляется в шифрограммах НКВД) в детдома специальной дислокации, расположенные в других республиках, краях, областях, а не туда где жил ребенок до ареста его родителей (вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов), так вот, эти дети не являются жертвами политических репрессий. Их, по мнению прокуратуры, можно считать лишь пострадавшими от репрессий постольку, поскольку репрессировали их родителей.

Прокуратура не желала считаться и с тем, что права этих детей прямо ущемлялись, что они попадали под постоянный надзор НКВД, что выдача их на опеку могла осуществляться лишь в особом порядке, и опять же под контролем НКВД, что даже выход этих детей из детского дома на свободу по окончании ими учебы или достижении совершеннолетия мог произойти лишь по специальному разрешению НКВД.

Факт же незаконного лишения И.А. Бернакевича жилой площади и имущества арестованных родителей прокуратура предпочла вообще не замечать.

Верховный суд не согласился с доводами прокуратуры и оставил решения нижестоящих судов в силе.

Тем самым в России создан первый прецедент признания ребенка репрессированных родителей, лишенного жилья и насильственно помещенного в детский дом, жертвой политических репрессий.

Соб. корр.

Выступления и заявления

Требуем прекратить репрессии против инакомыслящих и травлю Мухаммада Салиха — лидера демократической оппозиции Узбекистана

*Лидерам демократических стран,
международной демократической общественности*

16 февраля 1999 года в центре столицы Узбекистана, Ташкенте, произошла серия взрывов. Спустя некоторое время после взрывов, без тщательного и всестороннего расследования, президент Узбекистана Ислам Каримов заявил, что эти взрывы — попытка покушения на него, а

ответственность должна лечь на исламистов, ваххабитов, которым не нравится стабильность и «благополучие» в стране. Президент также пригрозил отрубить им руки.

Спустя десять дней после взрыва, Каримов без предъявления каких-либо доказательств, стал обвинять в

покушении на него Мухаммада Салиха (Салая Мадаминова), лидера Демократической партии «Эрк» («Свобода»), известного поэта и переводчика.

Представители исламских кругов и демократической оппозиции в Узбекистане и за его пределами заявили о своей непричастности к взрывам. Власти и карательные органы страны не предъявили ни одного факта, доказывающего обратное.

Несмотря на эти заявления и отсутствие доказательств, началась новая волна арестов сотен и тысяч инакомыслящих граждан страны — представителей демократической оппозиции и религиозных кругов, по обвинению в причастности к этим взрывам. Основным объектом травли и нападок стал Мухаммад Салих. Среди арестованных — трое братьев Мухаммада Салиха, активисты партии «Эрк», а также члены народного движения «Бирлик», верующие, преподаватели, студенты, рабочие и сельские труженики. Достоверно известно, что арестованных пытаются и требуют от них дачи ложных показаний против Мухаммада Салиха.

Со страниц газет, журналов, из передач радио и телевидения Узбекистана льется поток лживых обвинений в адрес Мухаммада Салиха. На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и махаллах по указанию сверху проходят собрания под лозунгами: «Защитим нашего президента!», «Долой врагов независимости и стабильности!», «Долой врагов нашей Отчизны, отщепенцев!». Все это напоминает самые мрачные годы советского тоталитаризма — сталинские и брежневские времена, травлю А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына.

15 апреля 1999 года Каримов, опять-таки без оглашения каких-либо доказательств, заявил, что главный организатор взрывов Мухаммад Салих пока не пойман, сын «террориста» находится в Афганистане и является членом движения «Талибан». Надуманность и несурзность этого заявления поразительны. Мухаммад Салих всегда осуждал и категорически отвергал любые формы радикализма, экстремизма и терроризма. Сын Мухаммада Салиха, о котором было упомянуто, учится в

одной из европейских стран, никогда не был в Афганистане и по своему складу абсолютно светский человек. То, что президент страны до решения суда позволяет себе делать подобные заявления в адрес лидера Демократической партии «Эрк» и его близких, показывает степень правового беспредела, царящего в Узбекистане.

Власти Узбекистана раздражены тем, что даже с помощью репрессий они не смогли прекратить деятельность Демократической партии «Эрк», издание газеты «Эрк». Каримову не дает покоя рост популярности Мухаммада Салиха в стране и за рубежом. Руководство страны, прежде всего сам Каримов, делают все, чтобы не допустить демократическую оппозицию к предстоящим в 2000 году выборам парламента и президента.

Беспристрастное и объективное расследование по поводу взрывов в Ташкенте и установление виновников этих событий возможно только при участии ООН и развертывании широкой международной кампании протеста против репрессий, беззакония, нарушений прав человека в Узбекистане.

Мы заявляем, что обвинения в адрес верующих и Демократической партии «Эрк» абсолютно беспочвенны. Мы считаем, что руководство Узбекистана должно вынуть голосу разума, немедленно и безоговорочно освободить всех незаконно арестованных и впредь не выходить в своих действиях за рамки международных правовых норм.

Мы требуем прекратить преследования инакомыслящих в Узбекистане и за его пределами. Мы требуем прекратить травлю Мухаммада Салиха, лидера Демократической партии «Эрк», известного поэта и переводчика.

Учитывая трагичность ситуации, просим лидеров и общественность демократических стран использовать все свои возможности и попытаться оказать влияние на президента Узбекистана, чтобы остановить репрессии против инакомыслящих.

Подписали: Людмила Алексеева, президент Международной Хельсинкской Федерации, председатель Московской Хельсинкской группы; Лариса Богораз, правозащитница; Елена Боннэр, правозащитница; Белла Ахмадулина, поэтесса; Валерий Борщев, депутат Государственной думы Российской Федерации (фракция «Яблоко»), председатель Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при президенте России; Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности; Сергей Ковалев, депутат Государственной думы Российской Федерации, председатель общества «Мемориал»; Михаил Арутюнов, заместитель председателя Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при президенте Российской Федерации, президент Международной правозащитной Ассамблеи; Борис Кудашкин, правозащитник, поэт; Александр Ткаченко, генеральный директор Русского Пен-Клуба; Андрей Битов, президент Русского Пен-Клуба; Фазиль Искандер, вице-президент Русского Пен-Клуба; Сергей Юшенков, депутат Государственной думы Российской Федерации; Виктор Шейнис, депутат Государственной думы Российской Федерации (фракция «Яблоко»); Виктор Курочкин, депутат Государственной думы Российской Федерации; Вячеслав Игрунов, депутат Государственной думы Российской Федерации (фракция «Яблоко»); Константин Боровой, депутат Государственной думы Российской Федерации; Сергей Григорьянц, председатель общественного фонда «Гласность»; Авды Кулиев, президент Фонда «Туркменистан»; Александр Любославский, редактор журнала «Защита прав и свобод человека»

Приемная МХГ

Квартирное дело

Зимой прошлого года в Общественную приемную обратился В.Ю. Тарабрин с просьбой помочь отстоять права 96-летней женщины на квартиру. Интересы этой женщины он представлял абсолютно безвозмездно, т.к. вместе со своей женой долгие годы дружил с ее дочкой (сейчас покойной) и приемным сыном.

К Анне Федоровне Есинкиной захотела подселиться ее молодая дальняя родственница, никогда прежде со старушкой не проживавшая, но понимающая ценность трехкомнатной квартиры на Серебрянической набережной в Москве. Ко времени обращения в приемную Анной Федоровной и ее представителем было

уже проиграно несколько судов о неправомерности прописки этой родственницы, и нам пришлось прибегнуть к формулировке о признании ее «не приобретшей права пользования жилым помещением». Факт мошенничества в прописке Натальи Войновой доказать было уже невозможно, а нашей целью было оградить Анну Федоровну от совместного проживания с Натальей, которая по словам бедной перепуганной женщины «вгонит ее в гроб». Мне не хотелось бы вдаваться в причины страха Анны Федоровны перед родственницей, упорно называющей себя ее внучкой, но с учетом фактов, которые не поднимались в судебных заседаниях по этическим соображениям, основания бояться неестественной смерти у нее были.

Таким образом, нам в первую очередь пришлось бороться за то, чтобы сохранить Есинкиной квартиру. Тарабрин с нашей помощью подал иск в Симоновский межмуниципальный районный народный суд Москвы. Вот предыстория этого иска.

В 1992 г. Анна Федоровна Есинкина и ее дочь Тамара Николаевна Жесткова дали согласие на прописку Натальи Викторовны Войновой в оспариваемую теперь квартиру с тем, чтобы она осуществляла за ними уход и помогала в работе по дому, так как Тамара страдала онкологическим заболеванием, а Анна Федоровна в силу преклонного возраста не могла самостоятельно осуществлять за ней уход.

Однако Войнова помощи оказывать так и не начала, и женщины не довели до конца оформление прописки, справедливо считая, что устный договор между ними и Войновой расторгнут.

В 1993 г. Тамара умерла, и Анна Федоровна осталась одна. В связи с криминальной обстановкой в Москве, в ЖЭКе ей посоветовали квартиру приватизировать и подарить или продать кому-нибудь, чтобы она не была оформлена на имя одинокой старой женщины.

Так Анна Федоровна и поступила. Она приватизировала квартиру (в то время по документам она была прописана там одна) и подарила ее своему приемному сыну.

В 1997 г. Анна Федоровна была вызвана в суд, где к своему изумлению узнала, что договор приватизации должен быть признан недействительным, так как выяснилось, что все это время в квартире была прописана г-ка Войнова.

Не зная своих процессуальных прав, Анна Федоровна не догадалась, что она имеет право отложить процесс и посоветоваться с адвокатом. Дело было проиграно. В кассационной инстанции внимательные судьи подсказали ей, на что нужно было ссылаться при отстаивании своей позиции, но решение не отменили, сказав, что думать надо было раньше.

В марте с помощью Общественной приемной подается вышеупомянутый иск о признании Войновой не приобретшей права пользования жилым помещением. Тот же судья, что выносил решение по предыдущему делу и чья пристрастность уже очевидна, выносит решение, где признает право Войновой на спорную площадь. Не принесли никакого результата жалобы в Квалификационную коллегию судей г. Москвы (которая, между прочим, находится в этом же здании) на явную предвзятость судьи и поведение, порочащее звание судьи (прекрасно зная, что с 10 часов утра его ожидает старая и очень больная женщина, судья тянул до 14 часов, не переноса заседание на другой день, а потом ушел обедать и рассмотрел дело только спустя 6 часов после назначенного времени).

Несмотря на видимый проигрыш, Есинкина попросила участия Общественной приемной и на втором этапе. Были выявлены замечания на протокол, составлена кассационная жалоба. Представитель от Общественной приемной выступил в суде.

Решение районного суда было отменено в связи с «несоответствием выводов суда материалам дела». Судом кассационной инстанции было рекомендовано «учесть изложенное, внимательно проверить доводы сторон, расширить круг доказательств».

«Новая» судья при рассмотрении дела пошла другим путем. Она не стала долго думать о том, как бы уладить дело, а пошла по пути процессуальных нарушений. Со стороны ответчицы были приняты недопустимые доказательства, болеющий на первом заседании свидетель истицы так и не был вызван для дачи показаний по делу, определение о приобщении разнообразных документов ответчицы к делу выносилось без заслушивания мнения представителя истца, а после высказывания этого мнения, разумеется, уже ничего не изменялось, во время перерыва судебного заседания на обед ответчица открыто общалась с еще не опрошенными свидетелями и давала им инструкции фактически на глазах у судьи и ее секретаря.

Судья не только нарушала процессуальные права истицы и ее представителя, но и своими действиями затрудняла возможность обжалования будущего решения: протокол судебного заседания абсолютно не отражал происходящего в суде — показания свидетелей истицы, правильное и подробное изложение которых, несомненно, имеет важнейшее значение для вынесения правильного решения, были упущены.

Замечания на протокол судебного заседания, подписанный самими свидетелями, судья хоть и приняла, но заседание по рассмотрению замечаний провела без участия сторон и вынесла определение, где говорилось, что протокол соответствует происходившему. Спасибо, что хоть приобщила замечания к делу!

Решение (более чем на двух листах) было вынесено, разумеется, не в пользу Анны Федоровны и повествуется там преимущественно о роли супругов Тарабриных в жизни Анны Федоровны. Между тем Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР не запрещает истцу выбирать своим представителем лицо, проживающее с ним совместно и оказывающее ему помощь.

Фактически суд о признании Натальи Войновой не приобретшей права пользования квартирой стал судом над супругами Тарабринами. Выяснялось, проживают ли они в квартире Анны Федоровны, где они прописаны, где работают, где живут их сыновья, есть ли у них квартиры в собственности. Суд вместе с ответчицей вел к тому, что Анна Федоровна уже выжила из ума и все решения за нее принимают злосчастные Тарабрины. Присутствие по требованию судьи Анны Федоровны лично и продекларированная ею самой позиция судью нисколько не убедили.

Но с вынесением решения беды Анны Федоровны не закончились. Предварительную кассационную жалобу в суде просто отказались принять, сославшись на то, что «их за это ругает Мосгорсуд». Затем судьей было вынесено определение об оставлении кассационной жалобы без движения из-за пропущенного срока на обжалование (то, что между ознакомлением представителя Анны Федоровны с мотивировочной частью решения и подачей кассационной жалобы прошло только 8 дней, не захотели принять во внимание). Затем кассационную жалобу вернули истице, так и не дождавшись требуемых объяснений о причинах пропуска срока.

Анна Федоровна отчаялась. Она решила, что нет смысла требовать справедливого решения от суда, который (исходя из материалов дела) усматривает напрямую причинно-следственную связь между «неразвитием беременности» и отсутствием трехкомнатной квартиры у Натальи и уже заранее решил отдать ей квартиру только потому, что она молодая и бойкая, в ущерб старой и больной. А Анне Федоровне

достаточно того, что в процессе босв за правое дело в районном суде она стала инвалидом.

Вот еще маленькая деталь. После вынесения определения кассационной инстанции, отменившего первое решение по делу, в квартиру Анны Федоровны пришла Наталья Войнова с мужем и, несмотря на ее протесты, украла (или изъяла, если хотите) семейные слайды. Перепуганная хамским поведением и угрозами, Анна Федоровна написала заявление в милицию. Ответ она получила через 3 месяца, как раз через два дня после

окончания производства по делу (я не упомянула, что отец Натальи работал в Генштабе Минобороны). В ответе было написано: «...по поводу решения квартирного вопроса и раздела имущества Вам необходимо обратиться в народный суд».

Да, снова в народный суд.

Наталья Кравчук,
юрист Общественной приемной МХГ

В регионах

Трагедия в «ЛУЖКОВСКОМ ПОЛКУ»

Жестокие убийства в российских Вооруженных Силах, когда молодые парни стреляют, режут и до смерти избивают друг друга, перестали волновать общество. Смерть призванного из города Павлово, не успевшего прослужить и десяти дней, один из таких случаев. Чудовищно, что многие хотели бы представить случившееся как самоубийство.

Со слов сослуживцев, дневальный обнаружил Андрея Ермакова на постели в пять часов утра 15 декабря. Шея и руки были залиты кровью. Резаная рана на шее, порезаны запястья. В руках — бритва. Вызвали машину «скорой помощи», в которой парень по дороге в больницу скончался. Телеграммой вызвали родителей в Москву, где во внутренних войсках служил Андрей, — в связи со смертью сына. В телеграмме, отправленной в Павловский военкомат, причина смерти была названа — суицид.

В части родителей Андрея встретили не слишком приветливо, отказав разместить, хотя было уже девять часов вечера. С сослуживцами говорили недолгое время под бдительным надзором замполита. Военные три дня не показывали тело сына родителям. Лишь перед похоронами родители наконец увидели сына, и ни парадная форма, ни тщательный грим не смогли скрыть страшную рану на горле, шишку на голове, синяк на левом виске. У них не осталось сомнений в том, что сына убили.

Военная прокуратура возбудила дело, которое было поручено следователю Т. Хайрулову. Он попытался выдать родителям справку, в которой значилась причина

смерти — суицид. Те отказывались брать справку до тех пор, пока судмедэксперт не порвал ее у них на глазах и не написал новую: причина смерти не установлена.

Окружная и военная прокуратуры определили, что это — самоубийство.

Фонд «Право матери» обращался с ходатайством в военную прокуратуру Московского гарнизона с просьбой выявить скрытые преступления в в/части 3747 и раскрыть причины и обстоятельства гибели Ермакова А.Ю.

На запрос председателя Государственной думы ФС Селезнева Г.Н. в Генеральную прокуратуру РФ об обстоятельствах гибели рядового в/части 3747 Ермакова А.Ю. получен ответ, что по делу отработываются все возможные следственные версии и контроль за ходом расследования дела осуществляется Главной военной прокуратурой.

Подведем итог: Ермаков призван на военную службу 4 декабря 1997 года, а 15 декабря 1997 года погибает. 10 дней службы хватило на то, чтобы отнять жизнь у молодого парня. А для того, чтобы восстановить честь этого парня и найти его убийц, не хватает долгих два года.

С подробностями дела можно ознакомиться по телефонам (8-831-71) 6-17-79; 606132 д. — Михаил Константинович Перчанкин.

Соб. корр.

«От сохранения культуры мира — к построению культуры мира»

«На стыке континентов — на рубеже тысячелетий» — такой девиз определил работу пятого всемирного конгресса Всемирной федерации ассоциаций и клубов ЮНЕСКО, который проводился с 9 по 13 июля 1999 года в столице Урала.

Екатеринбург уже давно считается одним из важнейших культурных центров России. Но знают о нем крайне мало — ведь вплоть до начала 90-х годов Свердловск считался закрытым городом. А сейчас почти 300 участников грандиозного форума из 80 стран всех пяти континентов разнесут весть о нем по всему миру.

На Урале уже много лет существует 39 клубов и центров ВФАК ЮНЕСКО. Именно это обстоятельство сыграло немаловажную роль для выбора места проведения конгресса. В организации «круглых столов»

активное участие приняли преподаватели и ученые крупнейших уральских вузов, а также клубы, центры и школы ЮНЕСКО уральского региона. Вот их тематика: «Стратегия и программы по культурному наследию», «Демократия и права личности», «Стратегия и программы по охране окружающей среды», «Воспитание в духе мира и толерантности».

В ходе работы была выработана дальнейшая стратегия развития организации и представлена недавно созданная база данных по клубам и центрам, через которую они смогут связываться друг с другом, невзирая на расстояния. Одной из приоритетных программ на рубеже веков руководители ВФАК ЮНЕСКО считают децентрализацию, регионализацию организации и подготовку активных ее лидеров.

Культурная программа была обширной: это и театрализованное представление из жизни и быта народов, живущих на Урале, и презентация Урало-Сибирского центра ЮНЕСКО, и поездка на границу Европы и Азии, и праздник «Делегаты Всемирного конгресса в гостях у детей Екатеринбурга», и представительный гала-концерт, и оригинальный спектакль, изюминка которого в том, что игрался он на трех главных языках форума — русском, английском и французском.

— Я выражаю особую благодарность специалистам ЮНЕСКО и особенно волонтерам, чья работа зачастую незаметна, — сказал Генеральный секретарь ВФЭК ЮНЕСКО Патрик Галло. — Знаю Уральский регион уже более 2 лет и очень ценю работу молодежи, проводящую идеи мира и культуры в жизнь.

Посетил Екатеринбург и высокий гость — Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор. Это ему принадлежат слова, ставшие содержательным стержнем конгресса: «От сохранения культуры мира — к построению культуры мира».

К сожалению, это знаменательное событие не прошло без печальных моментов. Дело в том, что не все весьма немногочисленные общественные правозащитные организации смогли принять участие в форуме. В частности, организаторы «забыли» пригласить на «круглый стол» по правам человека Екатеринбургское общество «Мемориал», которое активно занимается просветительской, гуманистической, образовательной деятельностью в области прав человека, а представители екатеринбургского общества «Хранители радуги» не были допущены к работе «круглого стола» по экологии. Поэтому создалось такое впечатление, что такое крупное, мирового масштаба мероприятие было организовано исключительно для официозных целей: ведь активистов и волонтеров перечисленных организаций, мягко говоря, не любят городские власти.

Ольга Дидковская,
Екатеринбург

Внесудебные казни в России

«Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»

Международный пакт о гражданских и политических правах

«Право на жизнь признано наиболее основополагающим и главным правом человека. Право на жизнь является тем источником, из которого проистекают все другие права человека, и поэтому оно требует максимального уважения».

Эти замечательные слова предваряют Резолюцию № 35/172 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1980 года «Внесудебные казни, казни без судебного разбирательства или произвольные казни».

Мы уже привыкли к тому, что родная милиция нас бережет. Теперь нужно привыкать к тому, что и полноценно стеречь она никого не собирается.

Иначе, чем объяснить все ухудшающуюся статистику по задержаниям, повлекшим за собой смерть задержанного.

Характерно, что факты необъяснимых смертей в камерах СИЗО или ИВС сегодня встречаются почти во всех регионах России. Единственное улучшение в этом отношении по сравнению с прежними временами в том, что полностью скрыть от общественности факты внесудебных казней для чиновников из МВД становится практически невозможно.

Разумеется, представители правоохранительных органов во всех случаях яростно отрицают свою вину в гибели людей, находящихся в подведомственных заведениях. В смерти обвиняют самих задержанных, сокамерников, нелепую случайность, но только не себя. И доказать вину правоохранительных органов в таких случаях бывает очень и очень непросто. Если не невозможно.

Тем более отраднo, что есть прецедент, о котором я хочу рассказать, когда вина органов в смерти человека была доказана в судебном заседании и потерпевшая сторона получила в порядке компенсации за моральный ущерб 150 тысяч рублей (денонмированных).

Началась эта страшная история в октябре 1995 года в одной из квартир в городе Обнинске Калужской области. Началась со смерти молодой женщины, которая умерла ночью во сне.

Вечером в семье было застолье по какому-то поводу. Женщина выпила, может быть, даже лишку. А утром муж женщины, с которым она состояла в гражданском браке, обнаружил, что она мертва. Звали мужа Валерий Рыбалкин.

Как и положено в таких случаях, на осмотр тела прибыли сотрудники милиции и прокуратуры. Сейчас трудно сказать, что послужило причиной задержания Валерия, но его доставили в дежурную часть городского отдела внутренних дел. И закутилась жуткая карусель беззакония и произвола, в результате чего человек оказался в одной камере с уголовниками.

Самое интересное, что оперативный дежурный ГОВД поместил человека в камеру изолятора временного содержания без каких-либо сопроводительных документов. Например, таких, как объяснительная записка, протокол осмотра места происшествия, протокол задержания, не говоря уж о подписанном прокурором ордере на арест. Более того, уже в судебном заседании оперативный дежурный утверждал, что понятия не имел, кто, за что и откуда доставил Валерия Рыбалкина в дежурную часть.

Сам по себе этот факт примечательный. Но еще интереснее другое: не имея понятия, каким образом человек вдруг оказался в приемнике-распределителе ГОВД, дежурный тем не менее отдает приказание посадить В. Рыбалкина в камеру ИВС. Причем посадить к неоднократно судимым, что строжайше запрещено ст. 33 (раздельное размещение в камерах) федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 29, ст. 2759) и ст. 96¹ Уголовно-процессуального кодекса.

Что происходило затем в камере, через какие круги ада прошел этот по сути ни в чем не повинный человек, мы уже никогда не узнаем. Через три дня из камеры ИВС Валерия Рыбалкина забрала в коматозном состоянии «скорая помощь». Через несколько часов Валерий, не

приходя в сознание, скончался в реанимации, унеся в могилу имена своих палачей.

Не буду цитировать медицинское заключение о причинах смерти Валерия Рыбалкина, скажу лишь, что 15 часов пролежал он без сознания на бетонном полу камеры и к нему никто не позвал врача. При осмотре врач «скорой помощи» обнаружил на теле Валерия множественные ушибы, переломы ребер, сотрясение головного мозга...

Но и после смерти злочлочения Валерия не закончились: он был тайно от родственников похоронен на Обнинском кладбище, причем совершенно голым. Хоронили его рабочие-могильщики, как «бомжа». Причем родственников даже не искали. В Обнинской прокуратуре случился настоящий шок, когда расследованием обстоятельств гибели Валерия занялся его родной отец Владимир Леонтьевич Рыбалкин — участник Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов, один из тех, кто участвовал в штурме Берлина в 1945 г.

Не стану описывать все мытарства, выпавшие на долю несчастного отца. Скажу лишь, что дело, слава Богу, дошло до судебного разбирательства, даже двух.

Первое судебное расследование по иску Владимира Леонтьевича к Управлению внутренних дел г. Обнинска и городской прокуратуре состоялось в феврале 1997.

Интересные факты «всплыли» в суде. Оказывается, уже после смерти Валерия в Обнинском ГОВД было возбуждено против него уголовное дело № 22077 по факту смерти гражданской жены Валерия, из-за чего он, собственно, и был задержан и доставлен в дежурную часть. Загадкой остается и повод для возбуждения уголовного дела. Ведь смерть женщины наступила от естественных причин. Так, во всяком случае, было записано в акте судебно-медицинской экспертизы.

Второй интересный факт касается установления личности Валерия. Следователь прокуратуры утверждал, что Валерий якобы не имел при себе паспорта, почему и было принято решение доставить его в дежурную часть как человека «без определенного места жительства» и не имеющего родных. Однако тот же следователь отобрал у Валерия его трудовую книжку, сберегательную книжку, удостоверение с фотографией Валерия, обошел и опросил соседей, которые подтвердили личность Валерия и факт проживания по указанному адресу.

В судебном заседании городская прокуратура своей вины не признала и обвинила в смерти Рыбалкина городской отдел внутренних дел. Представители ГОВД на первом судебном разбирательстве признали свою вину лишь частично. В дальнейшем же избавились от комплекса вины и заявили, что милиционеры ни в чем не виноваты, а виновен сам Валерий. Может быть, в том, что сам себя притащил в дежурку?

Надо отдать должное Обнинскому суду — он не пошел на поводу у правоохранительных органов и признал требования Владимира Леонтьевича Рыбалкина о возмещении морального вреда за убийство единственного сына законными и постановил взыскать в его пользу 100 млн. рублей.

Прокуратура и отдел внутренних дел подали кассационную жалобу. Областной суд отменил решение Обнинского суда и направил дело на новое расследование в новом составе суда.

Второе судебное следствие по иску В.Л. Рыбалкина к ГОВД и прокуратуре состоялось в конце ноября 1998 года. Уже прокатился по стране кризис, и Владимир Леонтьевич посчитал справедливым увеличить сумму иска до 150 тысяч рублей (деноминированных).

По личной просьбе В.Л. Рыбалкина на последнем судебном разбирательстве присутствовали и выступали представители Калужского регионального исследовательского центра по правам человека, которые предъявили суду текст Конвенции Организации Объединенных Наций «Внесудебные казни, казни без судебного разбирательства или произвольные казни». Под главу «Права жертв» этой Конвенции идеально подходило дело Валерия Рыбалкина.

Большое удовлетворение и аплодисменты присутствующих в зале вызвало решение суда удовлетворить требования В.Л. Рыбалкина в полном объеме.

Остается добавить, что кассационная инстанция решение Обнинского суда оставила без изменений. В этот день состоялась маленькая, но исключительно важная и радостная победа одного человека, сумевшего защитить свои права от произвола государства.

*Елена Шепелева,
Региональный исследовательский
центр по правам человека,
Калуга*

Телеконференция в Ульяновске

14 июля 1999 года в Ульяновском филиале Современного гуманитарного института по системе интерактивного телевидения совместно с Ульяновским отделением общества «Мемориал» состоялась телеконференция, посвященная сотрудничеству Современного гуманитарного института и CDC («Корпус Граждан за Демократию») в рамках программы поддержки частного бизнеса и предпринимательства в России. Данный проект предусматривает приглашение специалистов международного класса, каждый из которых имеет 15 — 25 лет стажа на ключевых постах в области частного бизнеса, для консультаций фирм малого и среднего бизнеса Ульяновского региона в сфере предпринимательства. Консультанты CDC приезжают на несколько недель, чтобы поделиться опытом управления и планирования, системой правовой защиты интересов и прав предпринимателей, составления эффективной стратегии маркетинга, оценкой конкурентоспособности продукции и используемой технологии и т.п. Представители Ульяновского отделения общества «Мемориал» предложили на базе общественной юридической приемной проводить консультации с предпринимателями города и региона по вопросам юридически грамотного закрепления полученных с консультантами CDC договоренностей, а также с теми предпринимателями, чьи права были каким-либо образом нарушены.

В дальнейшем планируется организовать групповые семинары по наиболее часто встречающимся проблемам. Данный проект рассчитан на два года и даст возможность Ульяновской области обеспечить себе прямой выход на реальных и потенциальных партнеров в США с перспективой дальнейшего сотрудничества.

*По сообщению общества «Мемориал»,
Ульяновск*

Преследования инакомыслящих

В № 4 (46) «Хроники» редакция уже публиковала материал Валентина Гефтера о деле так называемых «террористов». Предлагаем читателям продолжение темы.

Краснодар — центр российского терроризма?

В Краснодаре слушалось дело краснодарских и московских «террористов»

С конца 1998 года правоохранительные органы Краснодарского края ведут дело трех молодых людей, подозреваемых в терроризме. Двое из них — молодые женщины: Марина Рандина (21 год) и Лариса Романова (25 лет), которым было предъявлено обвинение по статье 222 УК РФ (хранение и перевозка взрывчатых веществ).

Что же произошло?

28 ноября 1998 года патрульный экипаж милиции задержал трех человек для проверки документов. Они оказались неформалами и анархистами по убеждению. Один из них был гражданин Чехии, другой — 19-летний житель Майкопа Геннадий Непшикуев и третья — студентка Марина Рандина (родом из Иркутска). В ходе проверки документов Непшикуев попытался спрятать свой рюкзак, что привлекло внимание милиционеров. При его осмотре были обнаружены две оборонительных гранаты, банка с селитрой вперемешку с болтами, самодельный электродетонатор и будильник.

Через три месяца по поручению Краснодарского УФСБ их коллеги провели обыски в Москве среди активистов анархистских, антифашистских и экологических организаций. Была задержана 24-летняя москвичка Лариса Щипцова. Позже она была этапирована в Краснодар.

По сути, аресты и следствие по данному делу, насколько можно судить, основаны практически на одних только показаниях Геннадия Непшикуева. Оказавшись в камере, 19-летний парень «сознался», что готовил покушение на губернатора Краснодарского края Н.И. Кондратенко.

События приобрели ярко выраженную политическую окраску. Об этом говорит характер публикаций местных СМИ о предотвращении «покушения на губернатора Кондратенко». Для расследования правонарушения, соответствующего обычной для нынешней России статье 222 УК РФ, была специально создана следственная бригада из

представителей трех «силовых» ведомств — Прокуратуры края, УФСБ и УВД, в состав которой вошли два следователя по особо важным делам. Именно поэтому в течение долгого времени у адвокатов и правозащитников имелись обоснованные опасения, что следствие пытается собирать улики и показания для предъявления статьи 205 (терроризм).

Одним из последних по времени примеров использования данного дела в популистских целях может служить речь губернатора края Кондратенко на военном параде 9 мая 1999 года:

«Нельзя поддаваться на провокации. Мы в крае были уже свидетелями событий, спровоцированных средствами массовой информации вокруг проблемы турок-месхетинцев, вокруг переданной сионистами из Москвы антисемитской листовки, а также несостоявшегося сожжения чучела еврея. Все это звенья одной цепи. Не любовь к евреям-труженикам объединила троих молодых людей из разных стран и территорий, которые несли заряд в 1,7 кг тротила под здание администрации края. Их объединили деньги сионистских центров» («Никогда и никому не сломить мощь славянского духа», «Кубанские новости», май 1999 г.)

Параллельно с этим в крае развернулась кампания по дискредитации местных анархистских, антифашистских и экологических неформальных групп, к которым имели отношение арестованные. Следствие пыталось получить максимум сведений и о московских, питерских и прочих группах данной направленности. Так, в результате серии обысков в Москве и Краснодарском крае были изъяты компьютеры и обширные архивы их активистов (фотографии, самиздат, литература, переписка). По свидетельствам подвергнутых этим следственным действиям обыски и изъятия проводились с нарушениями УПК РФ. Параллельно прошли допросы и беседы со многими знакомыми

подследственных, в ходе которых следствие обращало особое внимание на акты противодействия национальной политике губернатора Кондратенко, которые якобы готовили арестованные.

Обе обвиняемые провели в изоляторе УФСБ по несколько месяцев. Студентку Марину Рандину после полугода содержания под стражей выпустили под залог и перевели в свидетели. Не исключено, что к ней, как и на других подследственных, оказывалось давление, их пытались сломить психологически с целью получения «нужных» показаний.

Наиболее сложным оказалось положение москвички Ларисы Щипцовой, которой «предъявлено обвинение в неоднократном незаконном приобретении, передаче, хранении, перевозке боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». У нее дома остался полуторагодовалый ребенок с пороком сердца, а сама она находится теперь уже на шестом месяце беременности. Через три месяца после ареста ее здоровье заметно ухудшилось: обострилось заболевание почек, беременная женщина похудела на несколько килограммов. Многократные ходатайства об изменении меры пресечения, обращения депутатов Госдумы РФ и представителей авторитетных правозащитных организаций были услышаны лишь после окончания следствия. Но еще 20 мая с.г. помощник Генпрокурора РФ отвечал:

«С учетом характера совершенных (пока лишь вменяемых, господа прокуроры!) Щипцовой Л.В. преступлений, а также ее отношения к содеянному, в настоящее время решение вопроса об изменении меры пресечения на более мягкую является преждевременным.»

Сейчас Лариса выпущена под подписку о невыезде в ожидании судебного процесса, который должен начаться 12 июля в народном суде Первомайского района г. Краснодара (судья — Слащенко С.Н.).

20 июля Первомайский суд г.

Краснодара вынес приговор по делу 112-17 в отношении москвички Ларисы Щипцовой и жителя г. Майкопа Геннадия Непшикуева. Приговор суда, — 4 года лишения свободы в колонии общего режима для Ларисы Щипцовой и 3 года для Геннадия Непшикуева, — стал еще одним скандальным событием в деле, которое с самого начала было объявлено «попыткой покушения на губернатора Краснодарского края Николая Кондратенко». Как и ожидали адвокаты, следствию не удалось доказать обвинения в организации преступного сообщества и терроризме, поэтому Щипцовой и Непшикуеву предъявили обвинения лишь в изготовлении и перевозке взрывного устройства (Щипцову обвинили также в хранении наркотиков). Прокурор потребовал максимально жесткого наказания для обвиняемых — 7 лет лишения свободы Непшикуеву и 6 лет — Щипцовой. Тем не менее защита надеялась, что даже в случае, если суд согласится с предъявленными обвинениями, сроки будут даны условно, а Лариса Щипцова будет амнистирована в связи с тем, что она находится на восьмом месяце беременности.

После объявления приговора, прямо в зале суда осужденные были взяты под стражу. В обвинительном заключении фигурировал пассаж о принадлежности обвиняемых к «незарегистрированной анархо-коммунистической группе», что якобы свидетельствовало о преступных замыслах обвиняемых. Адвокаты обвиняемых намерены обжаловать решение суда.

Краснодарское дело «террористов» с самого начала носило отчетливый политический оттенок. Губернатор Николай Кондратенко громогласно заявлял о предотвращении покушения на

его жизнь и связи задержанных с «сионистскими центрами», — несмотря на то, что следствие так и не смогло предъявить обвинения в терроризме. Впрочем, сам губернатор, известный своей склонностью к раскрытию заговоров, сильно путался в объяснениях: «Среди террористов были чех, адыгеец и русская из Сибири. Что, кроме денег, могло связать этих людей?» (Николай Кондратенко, «Коммерсант», 25 марта 1999 г.)

«В ноябре месяце была разоблачена группа террористов, с бомбой — 1,7 килограмма тротила, которую должны были взорвать у меня под кабинетом. Их арестовали. Это оказались люди еврейской национальности. Я собрал силовые структуры и говорю: не обнародовать, дабы не вызвать волну антисемитизма». (Николай Кондратенко, «Известия», 10 апреля 1999 г.)

«Охота на ведьм» завершилась приговором суда.

Комментарий по «краснодарскому делу» Валентина Гефтера, правозащитный центр «Мемориал»:

В судебном рассмотрении и вынесении приговора по данному делу обращают на себя внимание два немаловажных фактора. Оба они связаны с тем, как судом используются те возможности, вольно или невольно заложенные законодателем в тех нормативных актах, применение которых могло бы облегчить участь Ларисы Щипцовой как будущей матери. Это:

1. Принятое недавно Постановление Госдумы РФ «Об амнистии» вкупе с Постановлением согласно пункту 11 последнего говорит о том, что ограничения (т.е. неприменение

амнистии-99), установленные для осужденных по статьям УК РФ, которые инкриминировались Щипцовой, «распространяются также на лиц, дела и материалы в отношении которых находятся в производстве органов дознания и предварительного следствия». Но не на тех, кто находится «под судом»(!), как Лариса в день открытия процесса в Краснодаре. Таким образом, суд обязан был по ходатайству защиты применить к ней пункт 1 б) постановления об амнистии и освободить от наказания в виде лишения свободы как «женщину, имеющую несовершеннолетних детей, а также беременную женщину».

Почему же Первомайский суд Краснодара этого не сделал?!

2. После приговора тот же судья мог применить норму ст. 361 действующего УПК РСФСР, согласно которой «исполнение приговора об осуждении лица к лишению свободы может быть отсрочено при наличии беременности осужденной — на срок не более одного года после родов».

И опять-таки суд не использовал этой возможности проявить элементарную гуманность в рамках закона!

Что это — непрофессионализм и негуманность данного суда или следствие давления на него обстоятельств внеюрисдикционного характера?

Пусть это поскорее решит Краснодарский краевой суд в порядке рассмотрения кассационной жалобы защиты Щипцовой — ведь она на восьмом месяце беременности содержится в общей камере в разгар жаркого южного лета!

По сообщению ПЦ Мемориал, Москва

Беспрецедентное давление на Станислава Маркелова — адвоката Ларисы Щипцовой.

12 июля в народном суде Первомайского района г. Краснодара слушалось дело краснодарских и московских «террористов»

В последнее время в деле краснодарских и московских «террористов» появились новые детали: стали известны факты давления на адвоката Щипцовой С. Маркелова. По его мнению, следствию так и не удалось подкрепить обвинения убедительной

доказательной базой и дело может развалиться в суде. Поэтому есть основания предполагать, что обвинение опасается участия в деле квалифицированной защиты, независимой от краснодарских властей. Именно этим можно объяснить следующие факты прямого нарушения

Конституции РФ, уголовно-процессуального законодательства и закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в отношении адвоката Щипцовой С. Маркелова.

Первое. У обвиняемых и свидетелей в ходе и даже по окончании следствия активно интересовались сведениями о московском адвокате Щипцовой — Станиславе Маркелове, не скрывая угрозы найти «кое-что» и на него самого. Этот адвокат добился изменения меры пресечения Романовой, а ранее практически выиграл дело другого «террориста» Андрея Соколова, подорвавшего надгробие царя Николая II, — при кассации этого дела в Верховном суде РФ добившись переквалификации обвинения со статьи «терроризм» на «вандализм».

По информации, сообщенной подзащитной Маркелова и адвокатом Краснодарской коллегии адвокатов Мичуриным В.М., также ведущим защиту Ларисы Щипцовой, в состав уголовного дела в последний момент следствием были введены сведения оперативно-розыскного характера в отношении Маркелова. Эти материалы (данные видеосъемок, иная оперативная информация) были добыты без санкции суда или прокурора, а также не подкреплены другими материалами дела. Включение подобных сведений в отношении адвоката, осуществляющего защиту по данному делу, является прямым нарушением Конституции РФ, уголовно-процессуального законодательства и закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В связи с этим С. Маркелов справедливо опасается продолжения таких противоправных действий и во время проведения судебного процесса в Краснодаре.

Второе. 28 июня с.г. Станислав Маркелов был остановлен на улице и получил повестку для явки на допрос в Управление ФСБ по Москве и Московской области в качестве свидетеля по делу о взрыве у приемной ФСБ на Кузнецком мосту в ночь с 3 на 4 апреля 1999 г. Большинство вопросов, задававшихся следователями ФСБ Андреевым и Платоненко, касались сведений, относящихся к материалам уголовных дел, по которым Маркелов осуществлял защиту и потому обязан соблюдать адвокатскую тайну. При этом следователи упорно говорили адвокату (и вне рамок протокола допроса) о том, что у него есть некие тайные причины отказа давать сведения по расследуемому ими эпизоду.

Сам факт вызова его как адвоката, ведшего защиту по сходным делам, расследовавшимся ФСБ, в качестве свидетеля по поводу событий, по которым он не может и не имеет права предоставить информацию, является нарушением уголовно-процессуального законодательства, в частности ст. 51 УПК РСФСР. По-видимому, придание ему формального статуса свидетеля по делу о взрыве у приемной ФСБ потребовалось для недопущения Маркелова в качестве защитника Щипцовой на краснодарском процессе.

Таким образом, имеет место прямое давление на адвоката методом «привязывания» его к молодежно-радикальному движению и грубое нарушение норм отношений между органами предварительного следствия и защитой.

По сообщению ПЦ «Мемориал»,
Москва

Региональные издания

«Вольно!»

Представляем новое издание

Карельская региональная общественная организация «Пацифист», основанная в январе 1998 года и в том же году зарегистрированная Министерством юстиции Республики Карелия, недавно начала издавать антивоенную и правозащитную газету под названием «Вольно!». Руководитель издательского проекта — сопредседатель общественной организации «Пацифист» Максим Ефимов.

Учредители и сопредседатели организации сами когда-то отказались от военной службы. Они считают свою организацию «ответной реакцией на произвол чиновников всех рангов и мастей, не желающих признавать за молодыми людьми их права, гарантированные Конституцией и всеми международно-правовыми нормами». Цель организации — помогать тем молодым людям, чьим убеждениям, мировоззрению, этическому чувству или вероисповеданию противоречит служба в вооруженных силах.

Газета «Вольно!» пока единственная в своем роде в Карелии. Издатели планируют подробно рассказывать о праве на альтернативную гражданскую службу, о

положении дел в армии, правду о войне, защищать демократические принципы, говорить об идеях мира и ненасилия. В первом номере можно прочитать разнообразные сообщения, рассказывающие о судебных прецедентах отказа от военной службы («Протест прокурора: не хватает пушечного мяса», «Комиссару закон не писан!»), философские экскурсы, знакомящие с понятием «пацифизм» («Есть ли у призывника альтернатива?», «Кто имеет право на альтернативную службу?»), юридические документы, заметки о российских правозащитных организациях и истории правозащитного движения.

Газета выпускается при финансовой поддержке Института «Открытое общество».

Адрес Карельской региональной общественной организации «Пацифист» и редакции газеты «Вольно!»: 185026 Республика Карелия, Петрозаводск, а/я 17. Телефон: (8142) 51-90-62. E-mail: pacifist@karelia.ru

Соб. корр.

В информационном бюллетене Харьковской правозащитной группы «Права Людими», № 6, 1999 г. был опубликован один из докладов, представленных на международном семинаре «Тюремная реформа в посттоталитарных странах», который проходил в Донецке в конце 1998 года. Предлагаем вашему вниманию текст доклада.

Как проводятся реформы тюремной системы Латвии

Началом коренных реформ в Латвии являются 1993 — 1994 годы. Тогда, после плодотворных дискуссий, правоохранительным структурам и в первую очередь администрации удалось убедить правительство и парламент Латвии в необходимости кардинальных перемен.

Реформы у нас проводились, как и в Эстонии, в несколько этапов: сначала вносились изменения в уголовный и уголовно-исполнительный кодексы. В 1994 году был осуществлен переход к прогрессивной системе отбывания наказания в тюрьмах открытого, полужакрытого и закрытого типа. Администрация тюрем получила право в зависимости от коррекции поведения осужденного перемещать его из тюрьмы одного вида в тюрьму другого вида. 30 октября 1998 года приняты изменения, которыми вводится пробационная служба, но опыта работы у нас пока нет. Принят новый уголовный закон, он вступил в силу с 1 апреля 1999 года. Разработан проект уголовно-исполнительного закона, и он находится сейчас на рассмотрении в кабинете министров. Его принятие парламентом планируется в следующем году.

В настоящее время тюремная система Латвии состоит из 15 тюремных учреждений и Учебного центра для подготовки персонала. У нас 8 учреждений закрытого типа, 2 полужакрытого и 2 открытого типа, одно воспитательное учреждение для несовершеннолетних и две следственные тюрьмы. В шести тюрьмах закрытого и полужакрытого типа интегрированы 6 небольших следственных отделений по региональному принципу. В дальнейшем это будут небольшие муниципальные тюрьмы.

В соответствии с законом заключенные в тюрьмах закрытого и полужакрытого типа должны содержаться в закрытых помещениях. В Латвии ни одна тюрьма не соответствовала необходимым требованиям, так как в наследство от советской системы мы получили колонии. Поэтому одновременно с введением в действие прогрессивной системы стала проводиться реконструкция тюрем. За три года мы включили в процесс реконструкции шесть тюрем. Эта работа набирает силу, и в настоящее время 2800 осужденных размещены в помещениях по 2 — 4 человека. Реконструкцию в остальных тюрьмах предусматривается провести до 2001 года. Имеется инвестиционная программа, которая выполняется.

По состоянию на 1 октября 1998 года в тюрьмах Латвии содержалось 9520 человек. Из них 5998 осужденных и 3522 заключенных под стражу. На 100 тысяч населения приходится 395 заключенных. Осужденные отбывают наказание в основном за тяжкие преступления.

Тюремная служба с введением прогрессивной камерной системы и в связи с изменениями в обществе столкнулась с очень большими проблемами.

Первая проблема — в настоящее время трудовой деятельностью обеспечено 26% заключенных, включая лиц хозяйственного обслуживания. Этого, конечно, мало. И если мы, закрывая заключенных в камеры, добились

повышенной безопасности, то занять осужденных мы не смогли. Мы стараемся ввести занятия осужденных по интересам, создаем различные кружки.

Вторая — в наши тюрьмы поступают люди, почти не имеющие образования. Поэтому наша обязанность — дать им какое-то образование. Но пока у нас есть общеобразовательные школы только в четырех из 15 учреждений. Профессиональное обучение осужденные могут получить тоже только в четырех тюрьмах. За год в них получают документы о профессиональном образовании всего 200 человек. Поэтому большинство осужденных выходит на свободу, не имея никакой специальности. Поскольку и в обществе существуют проблемы с занятостью, то им, конечно, приходится сложно. У нас разработана концепция постпенитенциарной помощи, в настоящее время она находится в кабинете министров, ею предусматривается изменение системы образования в тюрьмах.

Еще одна острая проблема — проблема туберкулеза. В течение двух последних лет в тюрьмах возросла заболеваемость туберкулезом. В настоящее время им болеет 500 заключенных, или 5% от общего количества. Есть даже случаи заболевания сотрудников. Имеется проект строительства туберкулезной больницы, но пока сложно с инвестициями.

Крайне ограничены возможности интеграции бывших осужденных в общество после освобождения. В государстве нет такой структуры, которая оказывала бы помощь бывшим заключенным в решении возникающих проблем. Пока этим занимаются лишь общественные и религиозные организации, спасибо им за это.

Помощь в решении наших проблем оказывают другие страны, прежде всего скандинавские. Существует проект «Норд Балт Призон», разработанный по инициативе Совета Европы в 1996 году. В его рамках страны Северной Европы закреплены за определенными странами Балтии с целью оказания помощи в реорганизации тюремных систем. Латвии были предложены контакты с тюремными системами Швеции и Норвегии. Помощь нам оказывается в стажировке персонала в тюрьмах Швеции, в оборудовании классов. У нас есть тюрьмы-побратимы, осуществляются взаимные визиты и т. д. Эти проекты заметно изменили состояние нашей системы как в моральном, так и в физическом плане.

Несколько слов о переходе в Минюст. 8 июля 1999 года тюремной системе Латвии исполняется 80 лет. До 1939 года и в 50-х годах тюремная система находилась в подчинении Министерству юстиции. Необходимость перевода тюрем в Минюст сегодня вызвана рекомендациями Совета Европы. Эксперты Совета Европы изучили все тюрьмы Латвии и по каждой тюрьме дали обстоятельные рекомендации — что надо сделать, чтобы они соответствовали европейским стандартам.

На настоящий момент мы более-менее усовершенствовали законодательную базу, постепенно приводим тюрьмы в соответствие с требованиями Совета Европы. Сложнее обстоит дело с персоналом, его

защищенностью. Нами подготовлен законопроект о социальных гарантиях персонала, разработана концепция перевода в Минюст. Она одобрена кабинетом министров, создана комиссия по переводу, в которую входят представители тюремной администрации, МВД и

Минюста. Тюремная система Латвии передана Министерству юстиции с 1 января 1999 года.

*Лидия Смирнова,
начальник организационно-аналитического
Департамента мест лишения свободы в Латвии*

«Третий сектор» глазами журналиста

Новая полоса появилась в ежедневной газете Южного Урала «Магнитогорский рабочий». Ее автор — Елизавета Сокол.

Вот что она рассказала: «Наша газета периодически пишет об общественных организациях. Но уделяет внимание лишь тем, кто наиболее часто появляется в редакции. На мой взгляд, это неверно. Есть НГО, которые делают намного больше, чем те, которым предоставляется газетная площадь. Есть еще одна проблема. Не все общественные организации знают о том, что решением подобных проблем занимаются другие НГО на уровне региона и Федерации. Думаю, что «болезни роста» будут менее тяжелыми, если знать об опыте работы других людей в схожих ситуациях. Задача полосы «Третий сектор» — дать хотя бы краткую информацию об НГО, которые работают вне города, сообщить их адреса.

Хотелось бы, конечно, иметь информацию о деятельности общественных организаций в странах дальнего и ближнего зарубежья.

Я часто сталкиваюсь с тем, что у руководителей НГО нет адекватной оценки своей деятельности. Одни считают, что только они делают важную и ценную работу, другие же, наоборот, занимаются самоуничтожением. Убеждена в том, что всякая помощь одного человека или группы людей другому важна, да и обогащает она взаимно.

Верю в то, что любые НГО, которые действуют в рамках законодательства, представляют собой мощную силу. Хочется, чтобы это осознали представители всех общественных организаций и все ветви власти.

Насколько все мои «задумки» приживутся и претворятся в жизнь — покажет время. Но уже после первого выпуска «Третьего сектора» появились предложения о сотрудничестве от различных организаций, предложения и пожелания от читателей — это радует».

Появление новой полосы в газете почти 70-летнего возраста говорит о том, что и в такие годы можно чутко реагировать на явления общественной жизни. Остается пожелать этому начинанию уверенности и долголетия. А журналистке Елизавете Сокол — вдохновения, терпения, интересных соавторов.

*Инга Белова,
Информационно-правовой центр,
Магнитогорск*

Предлагаем вниманию читателей статью с полосы «Третий сектор».

Информационно-правовой центр

Новая общественная организация появилась в городе — информационно-правовой центр. Ее учредители — работники СМИ, юристы, преподаватели и студенты МГПИ, предприниматели.

Вот что рассказала об информационно-правовом центре Ольга Александровна Иванова, юрист, член совета организации. «Сотрудничая с газетой «Магнитогорский рабочий», часто сталкиваюсь с тем, что журналисты занимаются, помимо своей работы, правозащитной деятельностью, отстаивают права читателей не только на территории города, но и за его пределами. Приходилось быть свидетелем того, что в газету обращаются за такой информацией, которую надо получать совсем в другом месте. Участие Е. Сокол, корреспондента газеты, в конференциях и семинарах по правам человека, привезенные оттуда сведения о формах работы общественных организаций других городов способствовали тому, что наши желания, стремления, отдельные наработки приобрели определенную юридическую форму.

Основной целью организации является содействие становлению правового государства и развитию гражданского общества, объединение усилий членов организации для практического обеспечения прав человека и гражданина, формирование правосознания и повышение общественной активности граждан. Мы

планируем уделять много внимания просветительной и информационной работе.

На учредительной конференции мы единогласно избрали своим руководителем Елизавету Петровну Сокол, корреспондента ежедневной городской газеты, которая недавно стала лауреатом премии Союза журналистов России и премии губернатора области.

Думаю, что желание, и стремление что-то изменить в нашей жизни принесут пользу многим. Ведь сверхзадачей мы считаем — не защищать права человека, а помочь ему самому научиться защищаться, используя информационный и правовой опыт, накопленный мировым сообществом».

Невзирая на «новорожденный» возраст, информационно-правовой центр уже активно работает. Помимо индивидуальной работы с гражданами, принимает участие в работе других общественных объединений. Так совместно с женским клубом ДЦ «Магнит» и Ассоциацией юных лидеров была подготовлена и проведена встреча, которая называлась «Для нас, любимых». Совместная общественная работа людей разных профессий, несомненно, принесет положительные результаты.

*Июсса Егорова,
Магнитогорск*

По следам публикаций «Хроники МХГ»

Господа, не искажайте фактов – 2, или Еще раз о национальной розни

В «Хронике МХГ» № 5 (47) была опубликована заметка Н. Пуха «Господа, не искажайте фактов» об обращениях Ли Штейна из «Международной солидарности с российскими рабочими». Действуя вроде бы из благих побуждений, поддерживая еврейскую общину г. Боровичи Новгородской области, он на самом деле мешает ей, провокационно сталкивает с властями, «подставляет под удар» — если пользоваться терминологией руководителя общины.

К сожалению, подобные случаи не единичны.

В газете «Иностранец» в № 11(268) за 24.03.99г. со ссылкой на некое еврейское информационное агентство была опубликована следующая информация: «В Орле на стенах средней школы, сдающей помещение еврейской общине для проведения там уроков иврита, появились антисемитские лозунги и призывы к насилию. Еврейские лидеры городской общины считают, что продолжать занятия в том же помещении небезопасно».

Однако, как выяснилось из бесед с активистами и руководителями еврейской общины, на здании детской музыкальной школы им. В.С. Калининкова (а не средней, как указано в публикации), где арендуется помещение

для занятий еврейской общины, националистических надписей и угроз не появлялось. Более того, было высказано опасение, что подобная публикация сможет помешать дальнейшей аренде общиной помещений в музыкальной школе.

С одной стороны — конечно, хорошо, что, как говорится в официальных отписках, «факты не подтвердились». Однако, с другой стороны, давайте признаем честно — подобные непроверенные публикации и провокационная защита не способствуют снижению бытового антисемитизма и межнациональной напряженности.

Дмитрий Краюхин,
директор Института общественных проблем
«Единая Европа»,
Орел

За рубежом

«Демократия по-белорусски» Исключен за инакомыслие

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому право на образование. Однако его совсем не гарантирует лукашенковский режим. Борьба с инакомыслием в аудиториях учебных заведений идет полным ходом. Исключение из ВУЗов молодых людей, несогласных с политикой Лукашенко, становится все более частым явлением. Наш сегодняшний рассказ об одном из таких типичных случаев...

В конце февраля с факультета компьютерных систем и сетей Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники был отчислен студент второго курса Герман Сушкевич. Официальная формулировка причины отчисления — «за академическую неуспеваемость». Однако при ближайшем рассмотрении дело вызывает вопросы — хотя бы потому, что по удивительному совпадению Герман является членом Молодого Фронта. Своих взглядов молодой человек никогда не скрывал и принимал активное участие во многих акциях: собирал подписи за освобождение политических заключенных (в частности, Аляксея Шыдловского и Вадзима Лабковича), за отставку президента Лукашенко, вступление в гражданство БНР. После уличных митингов и шествий несколько раз попадал в милицию, но не из-за действительных нарушений порядка, а просто потому, что «хапун» в дни мирных выступлений оппозиции — в Минске явление уже почти будничное. С десятками и сотнями белорусов за последние годы случалось то же самое.

Сначала Германа спасал его возраст. Пока был несовершеннолетним, из милиции после задержания быстро отпускали и передавали протоколы на рассмотрение районной комиссии по делам несовершеннолетних. Каждый раз комиссия требовала у студента дать обещание «больше так не делать». Когда же ему исполнилось восемнадцать лет, одним из проявлений этого события стали трое суток за решеткой спецприемника-распределителя. Так власти сегодня «отмечают» 18-летие самой сознательной части граждан. Арестован Герман был после Дня Волги.

Нельзя сказать, что «отсидку» сразу заметили по месту учебы Германа. Никаких проблем при сдаче летней сессии он не имел. Возможно, факультетское начальство давало студенту шанс «исправиться»? — подумает кто-то и будет неправ. Так как начальство было в то время слишком занято другой «большой» проблемой. Именно весной 1998 года с того же факультета и курса исключили трех студентов — Алесья Мухина, Андрэя Гилевича и Павла Мурашка. Все они попали в милицию за надписи на стене «Жыве Беларусь!» и «Жыве НРМ!» и нарисованные рядом бело-красно-белые флаги. Эти три однокурсника Германа были осуждены условно.

А еще через полгода один из преподавателей факультета, господин Дземидович, наотрез отказался принимать у самого Германа зачет по программированию. На предыдущих сессиях по этому предмету Герман получал «отлично», но с начала 1999

года преподаватель только и говорил, что зачет ни в коем случае не поставит.

День, когда нужно сдавать зачет, был неизвестен. О зачете оповестили неожиданно, буквально за два часа до сдачи. Из-за этого, по словам Германа, он не успел подготовиться надлежащим образом. Студенты просили перенести зачет хотя бы на завтра. Но г-н Дземидович, известный в университете своим несгибаемым упрямством и принципиальностью, потребовал выполнить задания безотлагательно.

Оценив ситуацию, Герман понял, что сегодня получить хорошую отметку шансов мало. И, действительно, как и часть однокурсников, он ее не получил. В таких случаях ничего страшного не происходит: готовишься и пересдаешь, но... Герман Сушкевич не мог тогда знать, что, скорее всего, его просто «ловили». После первой несдачи преподаватель Дземидович категорически не желал с ним даже говорить о зачете, а когда разрешил наконец пересдать — письменная работа «неугодного» студента неизвестно куда исчезла, а вместо нее в деканате хранилась та самая, первая, с ошибками, написанная без подготовки. Формально, таким образом, зачет сдан так и не был.

Заместитель декана факультета не допустил Германа к сессии. Несколько раз второкурсник писал заявления в деканат с просьбой назначить ему другого преподавателя, создать комиссию. Хотя в своих знаниях больше не сомневался, приходилось выпрашивать шанс сдать это злосчастный зачет. Герман обращался в профком университета, к заведующему кафедры, проректору — все как бы сочувствовали на словах и «ничем не могли помочь» на деле.

Наконец «нечестного» студента допустили к экзаменам. За три дня он сдал три экзамена. И заболел. Пока выздоравливал, срок сдачи сессии закончился. В деканате на справку из поликлиники сказали: «Ваша справка нас не интересует». В это время зачет по программированию оставался «хвостом». Преподаватель Дземидович по-прежнему не хотел убеждаться в знаниях студента Сушкевича. Сроки сессии неумолимо «горели». Наконец, 24 февраля, зайдя в деканат написать очередное заявление о замене преподавателя, Герман встретил декана Барыся Викторовича Никульчына. Тот сообщил о приказе ректора об отчислении студента...

После того, как перестал быть студентом, Герман Сушкевич еще в большей степени столкнулся с открыто неприязненным, а порой просто враждебным отношением некоторых сотрудников бывшей «альма матер» к нему. В течение почти месяца, мотивируя это

разными причинами, ему не хотели отдавать приказ об отчислении и другие документы. Однажды декан Никульчын вообще угрожал «выбросить из помещения» Германа, так как он «здесь больше никто». Хотя недавний воспитанник г-на Никульчына ничего плохого делать и не собирался — он попросил сделать для него копию приказа об отчислении, а когда в этой просьбе отказали, сел и переписал текст документа от руки. И обратился к декану, чтобы тот заверил копию своей подписью. Тот в ответ учинил скандал, обругал Германа. Восстановить учебу в университете в дальнейшем Герману было предложено исключительно на платной основе. Но, по словам декана Б. Никульчына, даже на этих условиях Сушкевича он к себе учиться не возьмет. Не нужен он тут — и все. Сказал, как связал.

А связь между судьбой Германа Сушкевича и биографиями его гонителей на самом деле просматривается. Герман мечтает жить в свободной, независимой, европейской Беларуси — господин Дземидович, который «принципиально» выжил его с факультета, не раз признавался: «Такой страны — Беларусь — не существует». А существует ли она для господина Никульчына, который в свое время приехал в Беларусь из России и именно в годы президентства Лукашенко сделал в своей карьере крутой взлет? Тот вопрос... Лишать национально сознательных студентов равного с другими права получать высшее образование — грустная тенденция наших дней. Но в Университете информатики и радиоэлектроники это, судя по всему, уже становится традицией. В отличие от других учебных заведений, здесь молодежь, любящую Беларусь, даже не пытаются защитить. Чиновники от образования, кадры старой коммунистической закалки, в руках которых сегодня многие судьбы, не задумываясь готовы выполнять любые приказы «сверху». Сейчас Герман Сушкевич продолжает работать, как он делал это и во время своей учебы. Его специальность — необходима в наше компьютерное время. «Найти работу — не проблема для меня, — говорит Герман, — но я хотел бы продолжать учебу». Таким, как он, сегодня хочется пожелать только одного: стать классными профессионалами своего любимого дела наперекор красно-коричневому режиму, который пытается лишить их будущего. А вместе с ними — всю Беларусь.

Тацяна Снитк
«Право на свободу»

бюллетень Правозащитного центра «Вясна-96»

Нашим читателям!

Редакция обращается к руководителям правозащитных организаций, на имя которых рассылается «Хроника Московской Хельсинкской группы», с просьбой знакомить своих сотрудников и членов организации с нашим бюллетенем.

Просим также высылать нам адреса и телефоны филиалов ваших организаций и других организаций вашего региона для расширения списка рассылки нашего бюллетеня.

Напоминаем, что «Хроника Московской Хельсинкской группы» рассылается и издается для активистов правозащитного движения, и мы ждем предложений и пожеланий наших читателей.

Адрес редакции: 103045, Москва, Большой Головин переулок, дом 22, строение 1, комната 8.

Тел./факс (095) 207-7404, 207-1632. E-mail: icpd@glasnet.ru

Редактор Елена Гришина

Информационный бюллетень выходит при поддержке Westminster Foundation for Democracy и Посольства Королевства Нидерландов (программа грантов MATPA)